

2. День тревожных гудков (1 июня 1962 года).

В скверике перед сталелитейным цехом (7.30-11.00)

Рано утром 1 июня 1962 года население СССР узнало о повышении закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и мясо. Понятно, что особой радости по этому поводу никто не высказал, хотя законопослушная и осторожная часть населения страны все-таки попыталась найти примирение с новой неприятной реальностью: может быть, снизятся цены на рынках, а мясных продуктов в государственных магазинах станет больше. В обыденных разговорах 1 июня 1962 года доминировали «обывательские суждения». Так КГБ оценило обычные для того времени эгалитаристские мотивы («следовало бы сохранить цены и снизить зарплату высокооплачиваемым лицам») и полное равнодушие «маленького человека» к всемирной миссии мирового коммунизма («отказаться от помощи слаборазвитым, социалистическим

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С. 6

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л.7

странам»)¹. Большинство же справедливо считало: возникли проблемы, пусть правительство их решает, но не за наш же счет. Не может, значит, правительство плохое!

Можно уверенно утверждать, что в тех же или примерно тех же тонах шло обсуждение Обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР среди тех 8-10 рабочих сталелитейного цеха Новочеркасского электровозостроительного завода, которые собрались в цехе в половине восьмого утра 1 июня 1962 года. Если учесть, что этим рабочим буквально накануне снизили расценки, то можно предположить, что высказывались они, пожалуй, и покруче, чем КГБ счел возможным сообщить в ЦК КПСС. К этой группе, бросившей работу, стали подходить другие. Собралось уже 20-25 человек. Начальника цеха, призывавшего вернуться к работе, послали куда подальше, а сами продолжили дискуссии в заводском сквере².

Известие о волынке дошло до директора. Он отправился к бузотерам, однако успеха не добился. Узнав о появлении Курочкина, в сквер потянулись другие рабочие. Толпа росла на глазах. Люди в резкой форме высказывали свои претензии. В ответ Курочкин еще больше обозлил рабочих: «Если не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером»³. Эта воистину крылатая фраза возмутила весь завод. Уж слишком много чиновного «толстопузого» высокомерия и презрения скрывалось за цинизмом директора.

В конце концов, Курочкин вырвался из возмущенной толпы и вернулся в заводоуправление. К 11 часам утра (время перерыва у первой смены) в сквере собралась толпа уже в 300-500 человек. Она двинулась к площади заводоуправления, требуя директора. Возмущение искало выхода. Криками и матом снять возникшее напряжение было уже нельзя. Спонтанно у разных людей родилась мысль о придании своему протесту некоторой упорядоченности, о его (протеста) идеологическом и организационном оформлении. Формовщик Удовкин забежал в цех и на листе бумаги написал некий «подстрекательский лозунг». Кто-то из

1 Исторический архив. 1993. № 1. С.113

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.112

3 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.8

находившихся рядом коммунистов попытался отобрать крамольный призыв. Удовкин испугался, а свое творение порвал и сжег¹.

На компрессорной станции. Появление лозунга «Мяса, молока, повышения зарплаты» (между 11.00 и 12 часами дня).

Зачинщика беспорядков из формовщика Удовкина не получилось - он вовремя спохватился. На роль сиюминутных лидеров в первые часы назревавшей забастовки выдвинулись другие люди, более решительные и смелые. В начавшей собираться около заводоуправления оказалось несколько потенциальных «зачинщиков», «потянувших» за собой возбужденных и возмущенных рабочих. От толпы отделилось несколько человек, которые решили подать тревожный заводской гудок. Мотивы своих действий они объясняли просто и бесхитростно: когда узнал о повышении цен, «то решил каким-то образом выразить свое неудовольствие администрации»². Выразить протест и возмущение - никакой другой «программы» у рабочих поначалу не было, да и быть не могло.

В центре событий, в роли их психологического «мотора» случайно оказался 24-летний Вячеслав Черных. Этого молодого и довольно образованного человека (закончил 9 классов), сына шахтера, умершего в 1958 г., слесаря кузнечного цеха, вряд ли можно отнести к числу обиженных властью маргиналов и пауперов, не было у него и уголовного прошлого. «Я мечтал и стремился быть советским человеком»³, - говорил о себе сам Черных. Он романтически относился к идеологическим мифам советского времени. После окончания 7 классов собирался поехать на целину по комсомольской путевке. После демобилизации из армии Вячеслав приехал работать в Новочеркасск. В августе 1961 года женился. Вместе с женой снимал небольшую комнату, помогал из своей зарплаты матери - она в это время перестраивала дом. Жили молодые тяжело, очередь на квартиру была длинной и долгой, но они относились ко всем трудностям оптимистически. Во время беспорядков жена Черных была на сносках. После ареста он больше

1 Исторический архив. 1993. № 1. С.123

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.10

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.106 об.

всего переживал за нее, беспокоился о ее здоровье, ждал рождения ребенка¹.

В водоворот событий Черныха бросили, скорее всего, спонтанный протест против несправедливости власти, хорошо усвоенная по советским фильмам модель поведения революционных рабочих во время стачек и забастовок (тревожные гудки, лозунги и плакаты), воодушевляющие образцы коллективных действий рабочих, созданные советской пропагандой и художественной культурой. А кроме того были еще и выводы из собственной трудной жизни: «Чтобы купить мяса, масла, мясных продуктов нужно было ехать в другие города - г.Шахты, Ростов. Конечно, невольно напрашивался вопрос, почему так плохо снабжают город. Вывод один. Нет внимания на нужды трудящихся со стороны местных органов руководства (впоследствии об этом указывали в печати). Когда произошли события, не понял их смысла и последствий, под влиянием всей обстановки совершил ошибку.»¹.

«Ошибка» Вячеслава заключалась в том, что он «с группой лиц в количестве около 15 человек ... пришел в компрессорную станцию» и включил заводской гудок на полную мощность. Работники компрессорной станции попытались помешать забастовщикам. Возник конфликт со «здравомыслящими». Этот конфликт будет в разных вариациях повторяться в ходе новочеркасских событий. Рабочая масса не была единой, хотя повышение цен и снижение расценок в той или иной форме задела всех. Одни рабочие «тащили» забастовку на себе, придавая ей динамику и наступательность, другие, осторожные и лояльные по отношению к власти, пытались их остановить и вразумить. Толпа собравшихся рабочих выступала как арена борьбы между агрессивными критиками власти и теми, кто в нее, эту власть, еще верил, или боялся с ней связываться.

Столкновение различных моделей поведения в стрессовой ситуации постоянно меняло физиономию толпы и облик событий, которые определялись, грубо говоря, тем, кто кого перекричит. При этом от «умеренных» иногда требовалось большое мужество, чтобы

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.192-193; Д.93662. Л.105-106

противостоять разрушительному натиску «хулиганов-экстремистов». Парадокс заключался в том, что даже несогласные с «экстремистами», ставшими как бы «коллективной глоткой» новочеркасских рабочих, самим своим присутствием на площади уже создавали «критическую массу» коллективного психоза.

Вячеслав Черных, сыгравший столь важную роль в развертывании протеста (тревожный гудок в неурочное время привлек рабочих других цехов, жителей окрестных поселков на место событий), был еще и инициатором написания лозунга «Мяса, молока, повышения зарплаты»². (По некоторым источникам, лозунг содержал также и требование квартир³). Написать лозунг, вывешенный позднее на высокой стальной опоре, видный издали и ставший по сути дела лейтмотивом рабочего протеста, помог Черныху 23-летний художник литейного цеха В.Коротеев. Этот молодой человек, в отличие от Черных, имел уголовное прошлое (судимости за квартирную кражу и хулиганство)⁴ и у него было больше оснований ненавидеть власть. Однако на деле Коротеев просто поддался напору более активного человека⁵.

Приблизительно в 11.30 большая толпа людей подошла к заводууправлению, прорвалась через проходную и вышла на заводскую площадь. В это время на заводе находились секретари горкома КПСС, парткома завода, сотрудники УКГБ. Однако, по свидетельствам, собранным И.Мардарь, они в это время фактически бездействовали, либо их деятельность была полностью парализована⁶. Вообще же первые сообщения о «бузе» на электровозостроительном заводе поступили, например, в милицию около 10 часов утра. А в 11 часов армия, милиция и КГБ уже были подняты по тревоге⁷, но активных действий долгое время не предпринимали.

На площади у заводууправления поначалу собралась толпа в 300-500 человек. Группами они возбужденно обсуждали новые цены и

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.105 об.

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.123

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.10.

4 Исторический архив. 1993. № 1. С.132

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.10

6 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.9-10.

7 Там же. С.10-11.

сниженные расценки. Поползли слухи, фактически представлявшие собой программу ближайших действий: забастовали де рабочие Сельмаша, они остановили пассажирский поезд, разобрали рельсы и т.п.¹. Подобные сообщения всегда действуют воодушевляюще на участников волнений: во-первых, мы не одиноки, во-вторых, не нам одним, в случае чего, отвечать. В конечном счете, «программа» была выполнена - пассажирский поезд действительно остановили. А пока толпа ритмически скандировала свой главный лозунг: «Мяса, масла, повышения зарплаты»². Кто-то свистел, кто-то выкрикивал оскорбления в адрес директора завода.

Остановка пассажирского поезда. Стихийный митинг у железной дороги (12.00 -16.00).

Здание заводоуправления Новочеркасского электровозостроительного завода, где к 12 часам дня собралась уже большая толпа, находилось в 100 метрах от железнодорожного полотна «³. Так что не только идея остановки поезда носилась в воздухе, но и железная дорога, что более существенно, была, как говорится, под рукой. Около пешеходного туннеля под железной дорогой собралось много народа. Кричали: «Нужно остановить поезд». На столбы залезли мальчишки и громко свистели⁴. Именно в это время, по рассказу одного из свидетелей, появился на опоре щит с лозунгом о мясе, масле и повышении зарплаты⁵.

На железнодорожных путях началось сооружение баррикады из разломанного штакетника. Вскоре появился поезд. Толпа устремилась ему навстречу⁶. Впереди бежала двадцатилетняя комсомолка Г.Полунина. Увлекая за собой толпу, она подхватила чей-то упавший на землю красный платок и привязала его к палке⁷. В конце концов, красная косынка, превратившаяся развевающийся флаг, оказалась на заграждении из штакетника, сложенного на путях.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.8.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.8

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.18-19.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.73-74

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.74

6 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.70-71

7 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.67, 74

Не доезжая до препятствия, пассажирский поезд Саратов-Ростов остановился. Движение было прервано. Толпа полезла на паровоз. Среди тех, кто в это время обратил на себя внимание, оказались все та же Полунина и слесарь Ф.Ф.Захаров, 21 года от роду, холостой, несудимый студент-заочник 1 курса Новочеркасского политехнического института. (Кто начал подавать тревожные гудки с паровоза так до конца и не ясно, но следствие и суд обвинили в этом именно Захарова). Оба молодых романтика в конце концов быстро одумались и поспешили удалиться с места волнений. Захаров больше ни в каких эпизодах беспорядков замечен не был, Полунину еще раз видели вечером того же дня на железнодорожных путях¹.

На тревожные гудки паровоза стали собираться любопытные - рабочие из других цехов, люди из близлежащего поселка. Толпа росла. По сведениям прокурора Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Ю.Шубина, она вскоре превысила четыре тысячи человек². Среди собравшихся появились невесть откуда взявшиеся пьяные (с утра!). Среди них время от времени вспыхивали драки и столкновения. В итоге, после того, как юные романтики Захаров и Полунина помогли остановить поезд и снова растворились в толпе, на авансцену событий выдвинулись люди совсем иного психологического типа, возраста и образа жизни, вовсе не студенты-заочники.

Своей повышенной активностью обратили на себя внимание свидетелей два человека: 34-летний газорезчик НЭВЗ В.А.Уханов, с семиклассным образованием, осужденный в 1947 г. по «закону о колосках» (10 лет), и 46-летний стропальщик Ф.В.Фетисов, с семиклассным образованием, также имевший судимость (1949 г., 2 года лишения свободы). Не очень внятные, но эмоциональные «выступления» этих обиженных властью людей запомнились многим, хотя Уханов впоследствии упорно писал в жалобах: «Я никаких выкриков там не делал»³.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.67

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.8

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.41

Виктор Уханов был человеком с подмоченной репутацией. На работе к нему особых претензий не было, «характеризовался положительно»¹. Но по собственному признанию Виктора, после развода с женой он начал сильно пить, вел себя «очень глупо и бесшабашно». Утром 1 июня Уханов должен был идти на работу, но после вчерашней выпивки проспал и решил опохмелиться. У буфета он встретил своего собутыльника и выпил с ним по кружке пива. За выпивкой речь, конечно же, зашла о повышении цен и несправедливости властей. Тут-то приятели услышали гудок и решили посмотреть, что происходит. На путях стоял остановленный паровоз, а навстречу шли трое мужчин и кричали: «Правильно поступили люди, с партией нужно все порвать».

Не совсем ясно, но не исключено, что «товарищем, с кем выпивали», был никто иной как Фетисов. Он 1 июня собрался ехать к матери, но не поехал, так как встретил товарищей и «запьянствовал»². Фетисов, по утверждению следствия и суда, «взобрался на переднюю площадку паровоза остановленного пассажирского поезда и вместе с осужденным Ухановым неоднократно обращался к толпе с провокационной речью». Оба были сильно пьяными и, как сказал впоследствии Уханов, «что мы говорили народу, я не помню»³. Но в общем-то Уханов и Фетисов могли повторять то, что в это время говорили все вокруг: «Нас поддержат Ростов, Шахты, Таганрог, все бастуют», «повысились цены на мясо, масло, молоко» и т.п. Примерно через полчаса после этого Уханов подошел к своему знакомому и горько сказал: «Меня могут расстрелять»⁴. Фетисов никаких особенных «программных» заявлений не делал, но на вопрос из толпы: «Куда ты залез, старый?», - патетически ответил: «Я добиваюсь своих прав»⁵. Однако, добиваясь «своих прав», Фетисов сумел отключить тормозную систему остановленного поезда, что создало серьезную опасность для окружающих.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.77

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.68

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.66, 70

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.70

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.69

У остановленного поезда развернулся стихийный митинг. На тепловозе кто-то мелом написал «Хрущева на мясо»¹. В душных вагонах, без воды, оставались пассажиры. Хулиганы из толпы были в вагонах стекла. По некоторым данным, тех, «кто высказывался против начавшихся беспорядков, отталкивали в сторону и избивали». Пытавшегося пробраться на паровоз для прекращения гудков главного инженера завода Елкина тоже избивали. Начались «отдельные драки между пьяными, разбрасывались бутылки, толпа шарахалась из стороны в сторону»².

Мужественное поведение главного инженера завода Н.С.Елкина в ходе волнений высоко оценил в своих недавних воспоминаниях один из активных участников событий П.П.Сиуда. В 1962 году ему было 25 лет и работал он слесарем сборщиком на электровозостроительном заводе. Описывая бездействие «начальства» на первом этапе беспорядков, Сиуда отметил, что Елкин никаких обещаний и заверений не давал, но упорно уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе³. По воспоминаниям П.Сиуды, никто главного инженера не избивал, хотя на суде сам Сиуда показал, «что придя на электровозостроительный завод, он увидел, как рабочие били главного инженера Елкина и в числе других потребовал прекратить избиение»⁴.

Остановка поезда, тревожные гудки паровоза, крики, стихийные выступления взбудоражили завод и окрестные поселки. В водоворот волнений вливались рабочие второй смены, которая в конце концов тоже прекратила работу. Появились новые «зачинщики». 26-летний токарь В.И.Щербаков «1 июня 1962 г., явившись на работу в крепежный цех Новочеркасского электровозостроительного завода во вторую смену, к работе не приступил, выпил водки и учинил в цехе подстрекательские к беспорядкам надписи. Надписи эти были хотя и маловразумительны, но политически остры: «Коля, это начало, жди конец. Победа будет за

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.9

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.8

3 Сиуда П.П. Новочеркасская трагедия. // Карта. Независимый исторический журнал. 1993. № 1. С.17.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.11.

нами» (на дверях кабинета начальника); «Привет большевикам, продавшим Россию» (на стене в коридоре)¹.

Известия о начавшейся забастовке поползли по близлежащим заводам. Осужденный за участие в беспорядках С.Е.Ефремов (1936 года рождения, член КПСС с 1959 г., ранее не судимый, женатый, отец двоих малолетних детей, токарь НЭВЗ) рассказал, что после обеда, когда все уже бросили работу, он отправился домой. По дороге решил заглянуть на старое место работы - в инструментальный цех завода им. Никольского, «четырем рабочим рассказал о событиях на электровозостроительном заводе и с иронией заметил, что они неосознательные, работают и не поддерживают рабочих электровозостроительного завода. Постояв в цехе минут 5-7, он ушел домой, а рабочие продолжали работать»¹. Ефремова запомнили, поэтому он и получил за свои достаточно невинные разговоры жестокий приговор. Десятки людей, разнесшие по всему городу весть о забастовке на НЭВЗ, к счастью для них остались неузнанными. Но можно не сомневаться, что «оскорбительных отзывов» и призывов присоединиться к мятежному НЭВЗ прозвучало в тот день немало по всему Новочеркаску.

У остановленного поезда в ход событий вмешалось несколько весьма колоритных личностей, тут же и исчезнувших из поля зрения свидетелей. Предварительное следствие обратило особое внимание на 48-летнего грузчика Ефима Сильченкова. Жизнь этого человека сложилась неудачно. Он имел четыре судимости и с 1933 по 1953 год (с перерывом на войну, которую он от начала до конца провел в армии) сидел в тюрьмах и лагерях. «Я родился в бедной крестьянской семье Смоленской области, - рассказывал о своих злоключениях Ефим Федорович, - окончил сельскую школу (3 класса. - В.К.). В 1933 году голод выбросил меня из деревни в город, где я в поисках работы и куска хлеба был забран органами ОГПУ (обут в лапти) и назначен заочно срок 3 года... По окончании срока, ровно через 11 дней, только я успел приехать на место назначения, я также был забран и был осужден

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.46

заочно ... срок 5 лет. В 1941 году 30-го июня по окончании срока меня забрали на фронт ... был четыре раза ранен и имел награды. Демобилизовался в звании старшины. После демобилизации..., не имея опоры, куда мог бы преклонить голову и не имея достаточно собственной силы, <чувствуя> радость за Победу и горе за одиночество, я по новой стал выпивать с кем попало в публичных местах. Оконцовка опять тюрьма. 2 года. 48 г. - 10 лет и до 1953 г. Когда я был освобожден по амнистии со снятием судимостей в возрасте 38 лет, я вышел за ворота, дал клятву, что больше не быть там. Поступил на работу на электровозостроительный завод, где освоил специальность столяра, завел семью, женился. Получил хорошую квартиру, жена работала в буфете на том же заводе. Я радовался жизнью и отдыхал на том же заводе после прошлого, залечивая как душевные, так и фронтовые раны в доме отдыха или в санатории. И располагал на трудовую пенсию. Но Ростовский суд повернул обратно»².

По своим психологическим данным Сильченков никак не ««тянул»» на роль зачинщика. Ефима Федоровича затащило в воронку беспорядков волею случая и обстоятельств. Сам он, рассказывая о событиях на заводе им.Буденного, подчеркнуто отмежевывался от «отъявленных», хулиганов, действующих «произвольно, не признавая разума»³, а о себе говорил, что «стал жертвой в толпе общественной неводержанности»⁴. На беду Сильченкова в «толпе общественной неводержанности» его многие видели⁵, а четыре судимости делали из него идеального «козла отпущения» для предвзятых следствия и суда.

Ефима Федоровича обвинили в том, что перед толпой он «поставил на голосование» вопрос о пропуске поезда¹. По рассказу самого Сильченкова, дело обстояло так. Сначала на требование какого-то неизвестного сойти с насыпи он ответил: «Почему я должен сойти, я такой, как и ты. Я тоже Родину защищал, а поэтому мне близки ее интересы», - и поделился услышанным: якобы на станции Хатунок

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98311. Л.2

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.119-119 об.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.10

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.51

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.75

разобран путь железной дороги: «Как бы не было плохих последствий». Но тут Ефим Федорович увидел знакомых коммунистов с завода, которые пытались пропустить поезд. «Для меня стало ясно, - рассказывал впоследствии Сильченков, - что для них больше известно, разобран путь или нет. И я крикнул в толпу: «Товарищи, пропустим поезд!». Послышались голоса: «Пропустить!». И паровоз дал гудок отправления, а я пошел домой с товарищем по работе...»²

Активно вмешалась в ход событий у остановленного поезда 38-летняя уборщица НЭВЗ М.А.Залетина. Эта женщина с четырехклассным образованием, замужняя, мать троих детей (один из которых, очевидно, из-за крайней бедности, содержался в детском доме) выкрикивала в толпу у поезда свои обиды: «получает 30 руб., у меня двое детей, и их нечем кормить, а муж погиб». Все свое возмущение несправедливостью жизни Залетина в момент беспорядков обратила на коммунистов: «Толстопузые, бить коммунистов»³. Еще одним «зачинщиком» беспорядков на железной дороге был объявлен отец троих детей, 35-летний слесарь-наладчик НЭВЗ И.Д.Иванов. Очевидно, так же как и Залетина, он просто не знал, как теперь прокормить семью, и искал повода выплеснуть свое возмущение. На обращенную к толпе просьбу пропустить поезд Иванов выкрикнул, что пока поезд стоит на путях можно будет собрать больше народа¹.

В какой-то момент дружинникам и коммунистам удалось переломить ситуацию. Предполагалось отправить поезд по заданному маршруту. Но для этого он должен был пройти мимо электровозостроительного завода, т.е. через скопление людей. Значит, были возможны новые эксцессы. Полагая, что поезду лучше вернуться на предыдущую станцию, 38-летний машинист испытательной станции НЭВЗ, коммунист В.Ф.Гладченко (со средним техническим образованием, отец одного ребенка, ранее не судимый) затормозил паровоз. Следствие и суд версии Гладченко не приняли, и 19 июля 1962 г. он, как и все прочие действительные и мнимые зачинщики

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.66

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.9-9 об.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.76, 77

беспорядков, был приговорен Ростовским областным судом к несоизмеримо высокой мере наказания - 10 годам лишения свободы². А поезд все равно пришлось уводить задним ходом. Произошло это в четыре часа дня, когда, наконец, удалось вытеснить бунтовщиков из состава и убрать их с крыш вагонов³.

Растерянность властей. Неудачные попытки использовать милицию.

К четырем часам на заводе собралось уже все областное начальство: первый секретарь обкома КПСС Басов, председатель облисполкома, председатель совнархоза, другие ответственные работники области и города⁴. Толпа переместилась к заводоуправлению и потребовала выступления «начальников»⁵. Среди забастовщиков уже произошел раскол. Одни пытались силой ворваться в заводоуправление, другие требовали продолжать забастовку, «но без хулиганских проявлений»⁶. Активные действия «экстремистов», как это чаще всего бывает в моменты наивысшего накала страстей, придали внешнему облику событий именно погромный характер. Спровоцировало же погром прежде всего бездействие властей⁷.

В конечном счете толпа реализовала обе программы действий - и «экстремистскую» («бей коммунистов», громи заводоуправление) и «умеренную» (даешь митинг!). Под требования и крики «умеренных» о выступлении руководства, «экстремисты» начали штурм заводоуправления⁸. Штурму сопутствовало символическое осквернение «портрета вождя», совершенное очередным молодым «романтиком». 23-летний ученик токаря, ранее несудимый Анатолий Десятников, влившийся в толпу во время обеденного перерыва первой смены, вместе с кем-то, следствием не установленным, проникл на балкон и после нескольких попыток сорвал с фасада большой портрет Хрущева. «Оскверненный» портрет тут же и бросили. Толпа бурно аплодировала,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98309. Л.3-4

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93940. Л.12

3 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

4 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

5 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

6 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.8-9.

7 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

8 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.19-20

выражая отношение к главному, по ее мнению, виновнику всех несчастий в стране¹.

Затем начался штурм входной двери. В первых рядах был 22-летний слесарь Геннадий Гончаров. Работник он был неплохой («как производственник характеризуется положительно»²), но пользовался дурной славой бузотера и скандалиста. Геннадия все время «прорабатывали» на собраниях за нарушения дисциплины. В январе 1962 г. он явился на работу пьяным, матерился, избил товарища по работе, заодно попытался «надавать» и мастеру³. Именно Гончаров насильно открыл дверь и ударил кулаком по голове державшему эту дверь мастеру цеха Насонову. Другие участники штурма, ворвавшись в заводоуправление, избили инженера Ершова, «ломали мебель, били стекла и телефоны, срывали портреты»⁴.

Участники штурма едва ли воспринимали свои действия как погром. Вряд ли кто-нибудь мог ясно сказать, зачем он ломился в здание заводоуправления. Но совершенно очевидно, что лейтмотивом были не месть или хулиганство, а упорное желание заставить наконец «начальство» услышать протест народа: «Мы не хулиганим, а требуем»⁵. (В одном из кабинетов заводоуправления нашли впоследствии бюллетень научной информации «Труд и заработная плата», на который кто-то из забастовщиков излил свою возмущенную душу: «Вкалываешь, а ничего не получаешь»¹.)

Блокированным в здании руководителям в конце концов (и очень быстро!) пришлось на что-то решаться. К этому их явно вынудили угрожающие действия «экстремистов». В 16.30 на балкон были вынесены громкоговорители. К народу вышли первый секретарь обкома КПСС Басов, председатель Ростовского облисполкома Заметин, первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС Логинов и директор завода Курочкин. «Умеренная» программа (требование выступлений начальства) победила. Толпа приготовилась слушать. Однако Басов не

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.45

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л.207

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л.207-208

4 Исторический архив. 1993. № 4. С. 147

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 95432. Л.19

нашел ничего лучшего, как начать пересказывать Обращение ЦК КПСС. Последовал взрыв возмущения: «сами грамотные, а «ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили». Заметину выступить вообще не дали. А когда появился ненавистный Курочкин (все уже знали про «пирожки с ливером»), на балкон полетели камни, металлические предметы и даже бутылка (прямо в авоське). «Экстремисты» снова начали попытки проникнуть в заводоуправление².

По информации КГБ, находившиеся в это время среди толпы сотрудники госбезопасности «выявляли зачинщиков и негласно их фотографировали»³. Такой же оперативной деятельностью (приблизительно с двух часов дня) занимались и некоторые переодетые сотрудники милиции. Один из них был «расшифрован» толпой и избит. «Достали удостоверение личности, - рассказывал потерпевший, - прочли, что я лейтенант милиции, и тогда кто-то сказал: «Его нужно повесить»⁴.

Кроме фотографирования толпы, никаких особенных мер по наведению порядка не предпринималось. И в течение двух часов (после 16.30) завод фактически находился под контролем забастовщиков. По оценке И.Мардарь, «почувствовав беспомощность, А.В.Басов закрылся в одном из заводских кабинетов, принадлежавших первому отделу, и таким образом, стал заложником забастовщиков». Имеются невнятные свидетельства, что в начале 7 часов вечера секретарь обкома якобы снова попытался унять бастующих рабочих. Но говорить ему не дали, засвистели, зашикали и под оскорбления согнали с балкона⁵. Однако выступление Басова в начале 7 часов вечера плохо согласуется как с хронометражем событий, произведенным КГБ, так и с их внутренней логикой. В это время в дело уже была пущена милиция, толпа изгоняла ее с завода, и момент для выступления был совершенно неподходящий.

Именно Басов, как считает И.Мардарь, упустивший шанс договориться с забастовщиками и, добавим от себя, вероятно,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 9366. Л.20

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

3 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.44.

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.251, 252

напуганный тем переплетом, в который волею случая попал, был инициатором привлечения войск для наведения порядка. И произошло это как раз после того, как его вместе с руководством города заблокировали в здании заводууправления. Прокурорская проверка, проведенная в 1990 г. по решению первого съезда народных депутатов СССР, показала, что, с одной стороны, Устав гарнизонно-караульной службы (образца 1960 г.), не предусматривал применения войск для подавления беспорядков городского населения, а с другой, Басов, являясь членом военного совета округа имел право отдать распоряжение командующему Новочеркасского гарнизона¹.

Роль Басова не следует, однако, преувеличивать. По воспоминаниям бывшего заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа генерал-майора А.И.Назарько, после 16.00 он доложил экстренно прибывшему со сборов руководящего состава СКВО командующему округом И.А.Плиеву о просьбе местных властей: выделить войска для подавления беспорядков (первый разговор Плиева с Басовым состоялся около 13.00). Плиев доклад выслушал, однако никаких распоряжений не отдал и отбыл в Новочеркасск. Около 19.00 в кабинет начальника штаба округа лично позвонил министр обороны СССР маршал Р.Я.Малиновский, Плиева не застал и распорядился: «Соединения поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Доложить!»

Никакого письменного документа подтверждающего этот устный приказ Назарько не видел и считает, что скорее всего такого документа не было вообще¹. Если время звонка Малиновского в штаб округа указано Назарько верно, то отсюда следует, что этот звонок последовал непосредственно после информации из Новочеркасска в Президиум ЦК КПСС, а войска местного гарнизона с самого выполняли приказы Москвы, а совсем не Басова. Его Плиев, скорее всего, просто не стал бы слушать без указаний министра обороны. Однако, поскольку к решению «вопроса» еще не подключились высшие партийные бонзы, военные в первый день беспорядков особой активности не проявляли, на полицейскую службу не рвались, а действовали, по оценке заместителя

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.13-14

председателя КГБ при Совете Министров СССР Ивашутина, с явной нерешительностью².

Еще до появления войск, в 18-19 часов, очевидно, тоже по распоряжению Басова, была предпринята попытка восстановить порядок на заводе силами милиции. Однако «прибывший на завод отряд милиции в форме в количестве 200 человек был смят и бежал, а три милиционера избиты.»³. На железной дороге был остановлен тепловоз. Снова раздались тревожные гудки. Приблизительно в это же время информация о событиях пошла непосредственно в Президиум ЦК КПСС. И лишь затем, около 20.00 на месте волнений появились солдаты, посланные скорее всего для того, чтобы вытащить из помещения заводоуправления «заложников» - запертых и окруженных со всех сторон «начальников», в первую очередь секретаря обкома Басова. Подавлять беспорядки силой оружия в их задачу не входило. Боевых патронов у солдат не было¹.

Стихийный митинг возле козырька пешеходного перехода под железной дорогой.

В промежутке между первой (милиция) и второй (военнослужащие местного гарнизона) попытками силой восстановить порядок у пешеходного тоннеля под железной дорогой, близ здания заводоуправления шел митинг. Там прозвучала программа действий. По мнению следствия и суда, «озвучил» эту программу Иван Служенко, 30-летний грузчик, ранее несудимый, беспартийный, женатый, отец двоих детей, с трехклассным образованием. Работником Служенко был хорошим, но отличался конфликтным, неуравновешенным характером. «Часто кричит без всякой причины», - рассказывали о нем товарища по работе, называвшие его «Иваном-баламутом».

Служенко оказался на месте событий около 8 часов вечера. По рассказу самого Ивана Петровича на допросе, он «выступил перед собравшейся на площади толпой людей с призывом не расходиться с площади до утра, не приступать к работе. Говорил, что необходимо

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.13

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

3 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

послать делегацию в электродный и другие заводы и в соседние города, чтобы и там рабочие прекратили работу. И предложил организовать на следующий день, т.е. 2 июня 1962 года, демонстрацию в центре города». Призывая не приступать к работе, Служенко подсознательно использовал сильный психологический аргумент, немедленно превращавший врагов забастовки во «врагов народа»: «кто будет работать, тот фашист»². (При задержании, было это уже в начале одиннадцатого вечера, Служенко кричал: «Братья, помогайте, рабочий класс забирают»³). Учитывая состояние, в котором после выпитого за вечер находился Иван Петрович, на митинге он мог только повторять только то, что слышал вокруг, сам же в сознательные «агитаторы» явно не годился. Ему просто не повезло. Следствие фактически сфабриковало обвинение с помощью свидетелей-милиционеров.

На роль «идеолога» забастовщиков больше подходит студент 3 курса химико-технологического факультета Новочеркасского политехнического института Юрий Дементьев. Дементьеву было 27 лет, в 1962 г. него родилась дочь. Никакого криминала и темных пятен в прошлом Дементьева следствие не нашло. После воинской службы в группе советских войск в Германии он 2 года проработал на Новочеркасском химическом заводе № 17. Потом поступил в институт. Учеба после долгого перерыва давалась с трудом. Поэтому единственным отрицательным фактом, приведенным в справке прокуратуры на Юрия Дементьева, была плохая успеваемость¹.

Дементьев приехал к заводууправлению НЭВЗ на велосипеде из поселка Каменоломня (близ города Шахты), где жила его семья, проделав немалый путь (около 30 километров). Было это в седьмом часу вечера. На заводе Юрий пробыл до часу ночи, потом добрался до общежития, дежурил вместе с другими студентами во время комендантского часа по городу. Рано утром (около пяти часов) снова взял велосипед и поехал к семье. Проезжал мимо завода, встретил товарища по футбольной команде, разговорился, к ним подошло еще

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.13-15

2 Исторический архив. 1993. № 4. С. 147

3 Исторический архив. 1993. № 4. С. 147-148

несколько человек. В этот момент всех задержала милиция, но в тот же день после «установления личности» и «беседы» отпустила².

Главное обвинение против Дементьева было связано с провозглашенной им с козырька пешеходного перехода программой действий. Было это между 9 и 10 часами вечера. Свидетели запомнили картавого светловолосого парня в клетчатой рубашке с короткими руками (по приметам это был Юрий Дементьев, хотя похоже выглядел и другой «идеолог» забастовщиков, «картавый Петр» - П.Сиуда³). В своем выступлении Юрий, якобы, говорил следующее: послать делегацию на электродный завод, отключить подачу газа с газораспределительной станции, выставить пикеты у заводоуправления, собраться на следующее утро в 5-6 часов и идти в город, чтобы поднять там восстание, захватить банк, телеграф, обратиться с воззванием по всей стране с тем, чтобы свергнуть Советское правительство, призывал ломать станки, а также говорил: «Мы не одиноки, нас поддерживает весь рабочий Донбасс, шахтеры Ростовской области и рабочие Ростова»⁴.

Сам Юрий на следствии и суде виновным себя не признал. Утверждал, что действительно приезжал на НЭВЗ, но лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Единственное, в чем Дементьев признался, так это в том, что, вернувшись с места событий в общежитие, рассказал соседям по комнате анекдот, выдав его за реальную историю. Якобы на здании заводоуправления, на месте сорванного портрета Хрущева виситдохлая кошка с надписью: «При Ленине жила, при Сталине сохла, при Никите сдохла»⁵.

Действительно важную роль в развитии событий вечером 1 июня сыграл 25-летний Сергей Сотников. После окончания семи классов средней школы он поступил токарем-карусельщиком на НЭВЗ, где и проработал семь лет, вплоть до ареста (с перерывом на службу в армии в 1956-1959 гг.). Отец Сотникова погиб на фронте, мать работала санитаркой в больнице. Это был вполне благонамеренный и серьезный

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.250; Д.93662. Л.30

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.30

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.255

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.251, Исторический архив. 1993. № 4. С. 148

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.251

молодой человек, член КПСС, командир цеховой народной дружины¹. В семье Сотниковых, растившей двух маленьких дочек, царили любовь и взаимопонимание. Никакого криминального прошлого за плечами этого человека не было².

Утром 1 июня Сотников не работал, отправился ловить рыбу. Там, по рыбацкому обыкновению, выпил с другими рыбаками немного спирту «на троих». Когда вернулся домой узнал сразу обо всем - и о повышении цен, и о забастовке на НЭВЗ. Скорее всего, в день событий «сознательный рабочий» задумался о простых, но необходимых жизненных вещах: как им с женой, тоже работницей электровозостроительного завода, прокормить двух малолетних дочек, если цены растут, а расценки падают, если дома и так пусто (при попытке следователя КГБ описать имущество семьи выяснилось, что «имущества, подлежащего описи, не имеется³), да и жить молодой семье негде - квартиры никак не дают. От огорчения выпил с приятелем еще водки, на этот раз много - почти две бутылки на двоих и, уже пьяным, отправился на завод⁴. Все, что было у трезвого Сергея Сотникова на уме, у пьяного, вполне в духе русской пословицы, оказалось на языке. Из сказанного вовсе не следует, что Сергей действовал бессознательно, не отдавая себя отчета в том, что происходит. Он продолжал отстаивать свой взгляд на события и после ареста, во время следствия, которое накануне суда отмечало: «Сотников вел себя вызывающе, в беседах заявляя о том, что своими действиями он якобы выражал «интересы рабочего класса»⁵.

По данным следствия, именно Сергей Сотников предложил послать делегатов на электродный завод и завод № 17 и призвать рабочих присоединиться к забастовке, а также организовать демонстрацию протеста. А чтобы гарантировать успех и наверняка остановить заводы, предложил отключить подачу газа на предприятия. Нетрудно заметить, что практическая часть программы Сотникова очень

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.161

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.295-296 об.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.175

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.166

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.162

похожа на ту, которую следствие приписывало Ю.Дементьеву. Об этом на следствии говорил и сам Сергей Сотников, который опознал Дементьева на очной ставке¹. Это лишний раз показывает, что 1 июня у забастовщиков НЭВЗ спонтанно вырабатывалась модель поведения и действий. У этой программы не было единоличного автора - брошенная кем-нибудь удачная идея немедленно подхватывалась и обрастала новыми деталями. Не было у толпы ни единоличного лидера, ни даже обычного в таких ситуациях организующего «ярда» - более или менее сплоченной группы согласованно действующих людей. Следствие несмотря на все усилия так и не докопалось ни до какого «заговора» и организации. Можно считать, что согласованность действий забастовщиков 1 и 2 июня объясняется как единоклубным настроением большинства, так и привязкой событий к упорядоченному графику работы завода. Толпа собиралась уже просто потому, что люди по привычке приходили в обычное время на работу, в обычное время наступали перерывы и т.п. Все это само по себе было хронологической матрицей событий, «организовывало» их и «координировало» под воздействием возмущающих факторов. В подобной «упорядоченности» волнений (во всяком случае некоторых значимых эпизодов), их привязке к заводскому гудку, в прямом и переносном смысле этого слова, существенное своеобразие событий в Новочеркасске по сравнению практически со всеми другими известными нам массовыми беспорядками хрущевского времени.

В отличие от многих кричавших и выступавших в тот день на заводе Сергей Сотников не только сформулировал, но и выполнил свою программу. Он участвовал в «агитационном походе» группы рабочих на соседние заводы¹, за что безжалостным и скорым хрущевским правосудием был приговорен к смертной казни.

С осмысленной программой дальнейших действий выступил на стихийном митинге и П.Сиуда. Как мы уже писали выше, Сиуда внешне был похож на Юрия Дементьева. Поэтому сходство их «программ» может быть связано как с обычной для толпы филиацией идей, так и

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.253

ошибками (случайными или злонамеренными) при опознании подследственных и подсудимых. По показаниям свидетелей, П.Сиуда призывал рабочих собраться на следующий день у заводоуправления, пойти демонстрацией в город, добиваться оплаты за те дни, когда завод не будет работать, требовать освобождения арестованных забастовщиков². В том, что такие арестованные будут Сиуда, не питавший иллюзий относительно готовности властей к репрессиям, был, очевидно, уверен.

Помимо «идеологов» на митинге у перехода через железнодорожные пути и у здания заводоуправления выступало множество других людей. Большинство из них ограничивались короткими выкриками и призывами³. «Попался на политике» и пьяный бунтарь - малограмотный коммунист, грузчик Новочеркасского молокозавода, отец двоих детей 38-летний М.И.Хаустов. В тот день он крепко выпил после работы и решил полюбопытствовать, что же все-таки происходит на НЭВЗ. В конце концов, Хаустов оказался в самом центре стихийного митинга, наслушался других ораторов и сам решил высказаться. По показаниям свидетелей, он призывал добиваться «своего» и «направить» коммунистическую партию, сбившуюся с правильного пути. Те же свидетели все-таки подтвердили, что оратор был так сильно пьян, что «многое из сказанного в его речи понять было вообще невозможно». Сам грузчик не помнил, что именно он говорил с козырька пешеходного тоннеля¹. Однако обвинение и суд интерпретировали поведение и высказывания подобных ораторов вполне в духе народной мудрости: «что у трезвого на уме, у пьяного на языке». Приговор был жестокими.

Второй раз Хаустов выступал уже с капота автомашины. Около этой машины (кажется, именно на ней приехал к месту событий еще один участник волнений - 36-летний семейный шофер автохозяйства № 3 Айрапетян) формировался второй центр стихийного митинга. Эмоциональный армянин рассказывал, что «что его машина, следовавшая под погрузку по заданному маршруту, была остановлена

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 148

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.11

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98328. Л.9-10

хулиганствующей толпой на площади у заводоуправления, и он, поддавшись общему настроению, одобрил действия хулиганствующих элементов и высказался за расправу над «толстопузыми», имея в виду руководителей завода, не умеющих руководить»². Все эти призывы он выкрикивал с крыла своей машины, а вслед за ним появились, очевидно, и другие желающие высказаться с возвышенного места. Однако никаких «программных» заявлений с автомашины Айрапетяна не прозвучало. Дело ограничилось «словесным экстремизмом» и заурядным матом.

Прибытие и изгнание войск с завода.

Около 8 часов вечера, когда на козырьке пешеходного перехода уже вовсю шел стихийный митинг, на завод прибыли 5 автомашин с солдатами и 3 бронетранспортера. Их задачей было не подавление беспорядков силой оружия, а освобождение «заложников» - заблокированных в здании заводоуправления «начальников»¹. Поэтому так странно выглядят в большинстве рассказов и даже в информациях КГБ действия военнослужащих: приехали, потоптались у ворот, выслушали оскорбления, развернулись и уехали. Между тем войска выполнили основную задачу (отвлекли на себя внимание и помогли переодетым в штатское армейским разведчикам и сотрудникам КГБ освободить «заложников»). А разгонять забастовщиков силой оружия им в то время никто и не приказывал.

Был, наверное, и какой-то расчет на психологический эффект: увидит, мол, толпа вооруженных солдат и разбежится. Но из этого-то как раз ничего и не получилось. Не верил никто, что «родная советская армия» может стрелять в свой народ. Слишком долго подобные действия ассоциировались в советской пропаганде исключительно с преступлениями царского режима (Кровавое воскресенье 1905 г., Ленский расстрел 1912 г.). Никому из воспитанных советскими мифами людей, особенно молодых, и в голову не могло прийти что-либо подобное. Убеждение, что в безоружных людей стрелять не посмеют, не раз подводило участников беспорядков прямо под пули тех, кто обязан

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98304. Л.2-3

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98302. Л.3

был выполнять приказ. И не только в Новочеркасске. Поведение армии вечером 1 июня сработало в пользу привычного мифа, поэтому таким неожиданным оказался для толпы расстрел безоружных людей на следующий день.

Толпа у заводууправления восприняла отвлекающие маневры как колебания военнослужащих и прониклась уверенностью в собственных силах. Собравшимся рабочим действия военных казались хаотическим перемещением людей и техники, а для того, чтобы придать осмысленность собственным, тоже довольно бессмысленным поступкам, забастовщики постоянно нуждались в своеобразной «опорной точке» - ближайшей и очевидной цели. В первый момент конфронтации с военными такой «опорной точкой» стала баррикада у западных ворот завода - на контрольно-пропускном пункте № 7.

На короткий миг и в силу случайного стечения обстоятельств в роли лидера оказался типичный «человек толпы» - 30-летний электромонтер В.А.Матяш (образование семь классов, семейный, ранее несудимый). Он как бы возник из безликой толпы, персонифицировал ее волю и желания, озвучил ее программу-минимум (не пускать солдат на завод, чтобы не мешали продолжению забастовки), а затем снова растворился в массе. К проходной № 7, куда, увидев войска, бросились многие, Матяш прибежал одним из первых. Со словами «ты, батя, стой здесь и не командуй, здесь будет командовать народ» он отодвинул стрелка военизированной охраны Иванова и принялся закручивать створки ворот проволокой.

После того, как забастовщики забаррикадировали ворота, несколько человек залезли на деревянный забор, повалили его, потом побежали к другим воротам. Там тоже преградили дорогу войскам. Одновременно с этими событиями разворачивались дискуссии с солдатами. Некоторым офицерам угрожали насилием. Войска медленно проникали на территорию завода, отвлекая на себя внимание толпы и попадая на какое-то время в центр людского возмущения. Около сталелитейного цеха судьба свела стропальщика Фетисова и полковника

с солдатами. Фетисов тряс полковника за ремень, кричал: «Фашистские переродки, убери своих выродков», а призвавшую его к порядку свидетельницу обругал¹. Подобные сцены происходили везде, где военнослужащие соприкасались с народом.

В общем-то баррикада у ворот мало что изменила в ситуации. Войска, в сопровождении бунтовщиков, под их крики, призывы и угрозы, вошли на завод через другие ворота. По некоторым воспоминаниям, бронетранспортер просто сделал пролом в стене. В него и прошли солдаты. Попытки остановить военнослужащих, преградить им путь уже на внутренней территории казались толпе успешными. Внешне все это вообще производило впечатление настоящего сражения: перевернутые машины, баррикада и т.д. В действительности же «заложников» из заводоуправления все-таки вывели. После этого войска покинули «поле боя», оставив толпу в прекрасном боевом настроении, полной опьяняющей уверенности в собственных силах.

Завершающий этап «сражения» с войсками в описании КГБ выглядел так: «На один из бронетранспортеров беспрепятственно влез один из преступников и призывал продолжать беспорядки, а солдат - присоединяться к ним. После этого под свист, выкрики и насмешки толпы машины с солдатами развернулись и уехали обратно.

На площади началось сборище. Выступавшие предлагали продолжать волынку, не расходиться, выделить делегацию к органам власти, которая предъявила бы требования о снижении цен на мясо, мясопродукты и масло и о повышении зарплаты.

Беспорядки все время продолжались. Посланную на завод для выяснения обстановки военную автомашину с рацией толпа перевернула, при этом у одного из солдат была сломана рука.

Через некоторое время к месту сборища вновь было направлено усиленное воинское подразделение, которое толпой было окружено, а затем под свист и хулиганские выкрики отправлено обратно.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.69

Сборища и бесчинства возле завода продолжались. Наиболее активные участники беспорядков призывали направить делегации на другие заводы города с призывом прекратить работу»¹.

Фактически после перерыва на «изгнание» войск стихийный митинг у козырька пешеходного перехода продолжился. Суть выступлений не изменилась, программа дальнейших действий была уже многократно озвучена - у нее не было конкретного автора. По устным воспоминаниям, собранным И.Мардарь, когда стало темнеть «из портретов Хрущева, изъятых из кабинета заводоуправления, был устроен большой костер. Очевидцы митинга рассказывают, что выступающих было много. Запомнился мужчина, со словами: «Я, пользуясь темнотой, хочу сказать, что не желаю состоять в такой партии» и разорвал свой партийный билет»². Скорее всего история о сожженном партбилете всего лишь красивая легенда. Подтверждений в других источниках найти не удалось. Продолжавшееся «осквернение» портретов Хрущева - действительный факт³, но, по всей вероятности, тоже разукрашенный молвой. Я, например, совсем не уверен, что в здании заводоуправления было достаточно портретов Хрущева даже для маленького, не говоря уже большом костре.

«Поход» Сергея Сотникова на газораспределительную станцию и электродный завод

Прокурор Шубин в своей предварительной справке о волнениях в Новочеркасске попытался придать событиям более логичный и целенаправленный характер, чем это было на самом деле. По его мнению, на стихийном митинге «было принято решение продолжать забастовку, послать делегации на другие заводы и утром 2 июня организованным порядком идти в город, к горкому партии, с предъявлением своих требований»¹. Все это, конечно, сильное преувеличение. Действительно установленным фактом можно считать только то, что один из «аранжировщиков» волнений, Сергей Сотников, сумел не только «озвучить» спонтанные желания толпы,

1 Исторический архив. 1993. № 1. С.125

2 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.17

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.9.

сформулировать «программу» (распространить забастовку на другие предприятия города), но и попытался организовать выполнение этой программы.

В обвинительном заключении по делу № 22 действия Сотникова вечером 1 июня описаны подробно и очень предвзято:

«Сотников организовал группу хулиганов (150 человек, организовать которых за полчаса не удалось бы никому. - В.К.), во главе которой отправился к газораспределительной станции. Там они ворвались в операторскую и под угрозой расправы потребовали от оператора Федорова отключить подачу газа на промышленные предприятия города. При этом Сотников лично проверил, перекрыты ли вентили подачи газа».

С газораспределительной группа отправилась на электродный завод. Как показал один из свидетелей, «группа хулиганов бегала по цеху со свистом и криками «кончай работу»«. Они подходили к станкам, требовали прекратить работу, самовольно выключали электродвигатели. Бунтовщики ворвались в насосно-аккумуляторную станцию электродного завода, окружили машиниста Вьюненко и потребовали поддержать забастовку. Лишь после ответной угрозы машиниста (взорву станцию вместе с вами) толпа разбежалась¹.

Итак, героические усилия Сотникова поднять на забастовку электродный завод натолкнулись на столь же героическое сопротивление идейного противника бунтовщиков - машиниста Вьюненко, который в одиночку сумел переломить ситуацию и даже обратить не очень уверенных в собственных силах забастовщиков в бегство. Проблема властей заключалась в том, что на их стороне практически не было таких «сознательных рабочих», способных по идейным соображениям противостоять забастовочной стихии. А большинство из тех, кто выступал на стороне власти (например, дружинники, коммунисты и комсомольцы, пытавшиеся днем отправить остановленный пассажирский поезд или посланные к месту волнений солдаты и офицеры), по всей вероятности, внутренне признавали

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.9

обоснованность протеста рабочих. Не удивительно, что, например, оператор газораспределительной станции Николай Федоров так и не дал следствию уличающих показаний против забастовщиков и показал, «что опознать кого-либо из числа хулиганов он затрудняется»². Люди, подобные Федорову, вероятно, в глубине души сочувствовали рабочему протесту, хотя и не принимали экстремистских форм его выражения. Но ведь других форм у рабочих НЭВЗ просто не было, ибо эти «другие формы» предполагали уже наличие (или хотя бы ростки) альтернативной рабочей организации, подобной, например, польской «Солидарности».

«Поход» Сергея Сотникова закончился неудачей, а сам он за свой героический порыв заплатил жизнью. Жестокий расстрельный приговор был явно неадекватен содеянному. По информации И.Мардарь, были и другие группы агитаторов, направившиеся на крупнейшие предприятия города. «Их встречали там по разному. - Пишет И.Мардарь, - Кто-то присоединялся, кто-то воспринял призывы рабочих НЭВЗ с опасением и недоверием. Были случаи, когда делегации просто прогоняли из цехов»¹. Скажем прямо, толпа из 150 человек, во главе которой шел Сергей Сотников, совсем не походила на «делегацию», скорее уж на боевую группу, если бы в ней существовали хотя бы зачатки организованности. Что же касается других «делегаций», то вся их деятельность развернулась лишь на следующий день - 2 июня. А 1 июня агитация свелась к тем нескольким описанным выше эпизодам, когда отдельные рабочие приходили на другие заводы и рассказывали товарищам о забастовке на НЭВЗ. Некоторые, действительно, призывали поддержать товарищей, но в первый день эта примитивная «агитация» в основном оставалась уделом энтузиастов-одиночек.

Ночь с 1 на 2 июня. Ввод танков. Листовка электромонтажника Жарова

Как следует из докладной Ивашутина, «скопление людей на электровозостроительном заводе продолжалось до глубокой ночи, пока на его территорию не были введены войска... Хулиганы нападали на

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 148-149

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.164

танки, портили приборы, забрасывали камнями, в результате чего некоторые танкисты были ранены»². Полной картины ночных событий следствию восстановить не удалось. В обвинительное заключение попали яркие, но случайные эпизоды ночных событий. В темноте сотрудникам КГБ и милиции трудно было опознавать «зачинщиков», а потенциальные свидетели - здравомыслящие зеваки предпочли провести ночь дома в своих постелях, а не рядом с ревущими танками и опасными бунтарями и хулиганами.

Среди людей, попытавшихся вмешаться в ход событий в ночь с 1 на 2 июня и выразить свое отношение к вводу танков, оказался 36-летний тракторист электродного завода Григорий Катков (отец двоих детей, с пятиклассным образованием, ранее несудимый). По скромным меркам своего окружения он был человеком очень богатым. У него и у жены была хорошая зарплата, вместе с братом Григорий владел половиной большого каменного особняка, а была еще и автомашина «Москвич-401», которую Катков собирался заменить на новую «Волгу» (стоял в очереди). Он был немного брюзга, любил пожаловаться на жизнь и свое материальное положение. Коллег по работе его жалобы на бедность, вероятно, слегка раздражали. Все знали, что Катков, в отличие от многих других, живет - не бедствует. Но соседи Григория уважали, считали его тружеником, хорошим семьянином, всегда готовым прийти на помощь соседям. Двое из них вскоре после ареста Каткова не побоялись написать что-то вроде «положительной характеристики» на него. Такую же положительную характеристику, правда состоявшую всего из одной фразы («к работе относился добросовестно, замечаний по работе не имел»), дали и с места работы³.

Ночь с 1 на 2 июня стала в известном смысле «звездным часом» Григория Каткова, который, может быть, неожиданно для себя самого, вышел из своего дома в одних трусах и попытался голыми руками чуть ли не останавливать танки. Сам Григорий утверждал, что когда он вышел на улицу, танки уже были остановлены толпой. Но зато, глядя на

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.17

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.122

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.71, 72, 73.

военную технику, направленную на подавление безоружных людей, Катков припечатал коротко и язвительно: «О боже! Идут удовлетворять просьбы трудящихся!»¹.

Ночь с 1 на второе июня была бурной не только для Григория Каткова. По показаниям свидетелей, монтер А.М.Отрошко (1939 года рождения, беспартийный, образование 7 классов, холост, не судим) «в толпе у завода выкрикивал требование об удалении солдат, провокационно заявлял, что танки давят людей, наносил оскорбления в адрес офицеров Советской Армии, заявляя: «Мы вам покажем»»².

19-летний учащийся Новочеркасского училища механизации сельского хозяйства В.Д. Шмойлов (образование 6 классы, женатый, на иждивении один ребенок, ранее не судим)» в ночь на 2 июня 1962 г. появился около училища механизации сельского хозяйства, услышал, что танк переехал человека, взял в руки кувалду и стал бить по башне и по смотровым щелям. «Я был возмущен, что советский танк мог переехать человека», - объяснял свой поступок Шмойлов³. Молодой человек, пусть и опьяненный алкоголем, фактически защищал ударами кувалды советский пропагандистский миф. Он совсем не был запрограммирован на погром и насилие и отнюдь не действовал как марионетка. Не удивительно, что на призыв какого-то провокатора и подстрекателя (его-то как раз следствию разыскать не удалось) «бей солдата» Шмойлов немедленно бросил кувалду и слез с танка.

Ночью волнения продолжались не только около завода. Поздно вечером собралась толпа напротив здания городского отдела милиции. Было много студентов и молодежи. Около 23.00 к толпе присоединился 28-летний комсомолец, грузчик Новочеркасского молочного завода Владимир Глоба (образование 7 классов, женат, отец одного ребенка, ранее не судим). В тот вечер В.П.Глоба был выпивши. Алкоголь отпустил тормоза страха, и грузчик нашел слова и лозунги, которые произвели сильное впечатление на молодежь¹. Как показал Глоба на допросе, он считал, «что только организованно можно добиться отмены

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л.232

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.49

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98299. Л.5-6

постановления о повышении цен на мясо и другие продукты, и, высказав это толпе, ушел домой»¹.

Вводом танков в мирный советский город власти спровоцировали бурную социально-психологическую реакцию. До сих пор молодежь видела такое только в фильмах про войну, но там-то речь шла о вражеских фашистских танках. В итоге все достижения советской пропаганды оказались повернутыми против самой власти. Она в глазах молодежи изменила высоким идеалам социальной справедливости и выступила как враг народа, а не его слуга и руководитель. В результате власть сама предопределила социально-психологический облик событий следующего дня. Многие участники волнений восприняли действия властей (сначала повышение цен, потом ввод войск) как измену, как антинародные действия, против которых можно и должно было выступать с портретом Ленина и под красными флагами. Что касается экстремистской и маргинализированной части участников волнений, то у них появление танков вызвало поначалу не испуг, а раздражение, готовность продолжать погромы. Сдержанное же поведение военных вселяло во всех уверенность, что правда совсем не на стороне властей.

Ночью в городе появились листовки, которые означали, что некоторые участники и очевидцы волнений начали идеологическую аранжировку событий. Автором одной из таких листовок был 24-летний электромонтажник НЭВЗ А.Ф. Жаров, в прошлом амнистированный, с семиклассным образованием. Листовка представляла собой достаточно любопытную идеологическую конструкцию и достойна того, чтобы привести ее текст полностью:

«О липовых ленинцах.

Сталина вы критиковали, сторонников частично в гроб загнали, остальных от руководства отстранили, но цены на все продукты и товары в апреле каждый раз снижать они не забывали. Хрущев из года в год в магазинах цены поднимает, заработок рабочим при этом он снижает, невольно возникает вопрос у нас, кто - враг народа был или есть. Какие же вы лгуны и лицемеры и власти жаждущие псы, народа

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.47

угнетатели. К чему стремитесь вы? Сталин и сторонники его последовательно к коммунизму шли и всех вели, при этом не смотрели на проделки капитала и не указывали пальцем так, как вы лгуны»².

Итак, накануне второго дня волнений в Новочеркасске все ругали Хрущева как изменника делу коммунизма. Некоторые ностальгически вспоминали времена Сталина, «когда последовательно к коммунизму шли». Для многих рабочих Новочеркасска продолжение волнений и забастовок было «борьбой за коммунизм» против «власти жаждущих», «народа угнетателей». Режим, потративший столько усилий на пропагандистскую «промывку мозгов», попался в ловушку собственной демагогии. Он сделал нечто, противоречащее своим «первоценностям», и народ теперь жаждал выразить «неправедным коммунистам» свой протест.